

Политическая лингвистика. 2026. № 2 (116).

Political Linguistics. 2026. No 2 (116).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Лариса Владимировна Коростелева

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия, klimovalar@inbox.ru, SPIN-код: 5315-0684

Хронотоп «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Актуальность данного исследования связана с ростом конфронтационной риторики, усилением образа «врага» и мобилизационных стратегий в российском политическом дискурсе последнего десятилетия. Цель исследования заключается в описании структурно-содержательных и языковых особенностей хронотопа «осажденной крепости» как моделирующего концепта в современном российском политическом дискурсе. Политический дискурс характеризуется особым типом хронотопа, в котором время и пространство приобретают идеологическую нагруженность и служат целям легитимации власти, консолидации общества и формирования образа «своих» и «чужих». Для исследования был выбран корпус текстов, опубликованных авторами телеграмм-каналов Д. А. Медведевым и М. В. Захаровой за период 2022–2025 гг. Предметом исследования стали дискурсивные особенности реализации хронотопа «осажденной крепости». Проблема исследования состоит в описании метафорической модели «осажденная крепость», через которую политический дискурс организует восприятие пространства и времени. Пространственное измерение указанного хронотопа строится на жестком противопоставлении внутреннего пространства, которое концептуализируется как «свое», упорядоченное, защищенное, сакральное, и внешнего, осмысляемого как враждебное, хаотичное, агрессивное, с точки зрения временного измерения настоящее переживается как «кризисное», «мобилизационное» время, требующее постоянной готовности к отражению атак; прошлое актуализируется через обращение к историческим прецедентам; будущее предстает в двух альтернативных сценариях: либо снятие осады и итоговая победа, либо падение крепости и катастрофа. Сопоставление дискурсов Д. А. Медведева и М. В. Захаровой выявляет два принципиально различных модуса репрезентации данного хронотопа, которые условно можно обозначить как метафизический и антропологический.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, политические деятели, языковые средства, русский язык, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-сайты, концептосфера, концепты, хронотопы, речевая агрессия, дискурс-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коростелева Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, email: klimovalar@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коростелева, Л. В. Хронотоп «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе / Л. В. Коростелева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2 (116). — С. 45-51.

Larisa V. Korosteleva

Nizhnevartovsk State University Nizhnevartovsk, Russia, klimovalar@inbox.ru, SPIN code: 5315-0684

The Chronotope of BESIEGED FORTRESS in Contemporary Russian Political Discourse

ABSTRACT. The relevance of this research can be associated with the growth of confrontational rhetoric and the strengthening of the image of the “enemy” and mobilization strategies in the Russian political discourse of the last decade. The aim of the study is to describe the structural-semantic and linguistic features of the chronotope “osazhdennaya krepost” (besieged fortress) as a modeling concept in modern Russian political discourse. Political discourse is characterized by a special type of chronotope, in which time and space acquire an ideological load and serve the purposes of legitimizing power, consolidating society, and shaping the image of “OWN” and “ALIEN”. The practical research material encompasses texts published by such authors of the Telegram channels as D. A. Medvedev and M. V. Zakharova over the period 2022-2025. The research object embraces the discursive features of the realization of the chronotope of “osazhdennaya krepost”. The research problem consists in describing the metaphorical model of “osazhdennaya krepost”, through which political discourse organizes the perception of space and time. The spatial dimension of this chronotope is based on a rigid juxtaposition of the inner space, which is conceptualized as “one’s own”, orderly, protected, and sacred, and the outer space, conceptualized as hostile, chaotic, and aggressive. From the point of view of the temporal dimension, the present is experienced as a time of “crisis” and “mobilization”, requiring constant readiness to repel attacks. The past is actualized through reference to historical precedents, and the future is represented in two alternative scenarios: either lifting the siege and final victory, or fall of the fortress and disaster. A comparison of the discourses of Medvedev and Zakharova reveals two fundamentally different modes of representation of this chronotope, which can be conditionally defined as metaphysical and anthropological.

KEYWORDS: political discourse, political texts, politicians, language means, Russian language, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, Internet sites, conceptosphere, concepts, chronotopes, verbal aggression, discourse analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: *Korosteleva Larisa Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.*

FOR CITATION: *Korosteleva L. V. (2026). The Chronotope of BESIEGED FORTRESS in Contemporary Russian Political Discourse. In Political Linguistics. No 2 (116), pp. 45-51. (In Russ.).*

Термин «хронотоп» получил подлинное признание и широкое распространение в гуманитарных науках благодаря работам М. М. Бахтина, который адаптировал его для задач литературоведения и эстетики. В работах М. М. Бахтина подчеркивается жанрообразующая функция хронотопа: именно пространственно-временная организация во многом определяет жанровую специфику произведения и образ человека в литературе. Автор выделяет ряд архетипических хронотопов (дороги, замка, порога, провинциального города), каждый из которых несет определенную смысловую и ценностную нагрузку [Бахтин 1975].

Перенос понятия хронотопа из литературоведения в лингвистику потребовал его переосмысления с учетом специфики языкового материала. Значительный вклад в разработку лингвистического понимания хронотопа внес И. Р. Гальперин, который оперирует термином «континуум», понимаемым как «определенная последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [Гальперин 2007: 87]. Несмотря на то что И. Р. Гальперин непосредственно не использует термин «хронотоп», его внимание к пространственно-временной организации текста создало основу для последующего осмысления хронотопа как текстовой категории.

Концепцию темпоральной структуры текста развивает З. Я. Тураева, которая приходит к выводу о том, что «описание темпоральной структуры текстов различных функциональных стилей и их временной соотносительности с внеязыковой действительностью <...> раскроет новые грани различий между текстами, принадлежащими к художественной литературе, научной прозе, деловым бумагам» [Тураева 1986: 86]. Тем самым исследователь обосновывает возможность изучения хронотопа не только в художественных, но и в нехудожественных типах дискурса.

В современном языкознании утвердилось понимание хронотопа как одной из фундаментальных текстовых категорий, которая обеспечивает целостность восприятия текста и его связь с внетекстовой реальностью. Лингвистический подход к хронотопу фокусируется на способах его языковой репрезентации — на том, как пространственные и временные отношения выражаются с помощью лексических, грамматических и синтаксических средств.

Дальнейшее развитие категории хронотопа в лингвистике связано с антропоцентрическим поворотом и усилением внимания к роли субъекта в языковой картине мира. Н. Д. Марова вводит понятие «ноохронотоп», которое расширяет бахтинскую концепцию за счет включения «духовных параметров» — ментальной точки зрения интерпретатора. В ноохронотопе «упорядоченный в соответствии с требованиями и условиями точки зрения наблюдателя-интерпретатора мир» [Марова 2006: 69] приобретает не только пространственно-временные, но и ценностно-смысловые характеристики, зависящие от менталитета интерпретатора.

Последние десятилетия отмечены активным изучением хронотопа в рамках дискурсивного анализа [Романов 2024; Фадеева 2023; Церковнов, Свойкин 2024; Elyamanu 2025]. Ученые приходят к выводу, что «хронотопическими свойствами в той или иной степени обладают все типы дискурса» [Церковнов, Свойкин 2024: 140]. Исследуются хронотопы рекламного, политического дискурса, медиадискурса, социологического дискурса, научно-академического дискурса.

К. Б. Свойкин предлагает рассматривать двусторонний характер хронотопа научного дискурса, выделяя хронотоп автора и хронотоп читателя: «...одна часть хронотопа остается в том пространстве-времени, в котором текст создавался автором, другая часть этого хронотопа делегируется в пространство-время восприятия этого текста читателем» [Свойкин 2008: 161].

Применительно к политическому дискурсу категория хронотопа разработана в меньшей степени, однако имеются отдельные исследования [Русакова, Фатихов 2011], рассматривающие хронотоп как инструмент конструирования политической реальности. Политический дискурс характеризуется особым типом хронотопа, в котором время и пространство приобретают идеологическую нагруженность и служат целям легитимации власти, консолидации общества и формирования образа «своих» и «чужих».

«Языковая картина мира человека выстраивается в определенной сетке координат, где время и пространство являются центральными осями» [Пластинина 2013: 1]; в политическом дискурсе эта сетка координат целенаправленно конструируется для создания определенной модели мира, отвечающей задачам политической коммуникации.

В самом широком смысле хронотоп понимается как **единство пространственных и временных параметров**, в котором разворачивается человеческое бытие, событие или текст. Применительно к дискурсивным исследованиям хронотоп предстает как **способ концептуализации мира**, задающий систему координат для восприятия и интерпретации реальности.

В рамках лингвокогнитивного подхода, развиваемого в русле идей Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хронотоп может быть рассмотрен как **метафорическая модель**, структурирующая абстрактные политические понятия через конкретные пространственно-временные образы [Lakoff, Johnson 1980]. Именно этот ракурс позволяет перейти от общего философского понимания хронотопа к анализу его конкретных дискурсивных модификаций.

Исследование хронотопа «осажденной крепости» в современном российском политическом дискурсе представляется перспективным именно в русле лингвокогнитивного подхода, позволяющего выявить, как через языковые репрезентации пространства и времени формируется особая политическая картина мира, структурирующая массовое сознание и определяющая векторы социальной мобилизации.

Метафора «осажденной крепости» стала одной из ключевых в описании положения России на международной арене и внутри страны, она делит пространство дискурса на «свое» и «чужое», имеет «мобилизующее значение, поскольку, с одной стороны, доказывает необходимость сплочения в условиях враждебного окружения вокруг политического руководства, а с другой — очерчивает круг врагов» [Амиров 2019: 250].

Хронотоп «осажденной крепости» представляет собой **специфическую пространственно-временную модель**, которая организует политическую картину мира вокруг идеи экзистенциальной угрозы и выживания во враждебном окружении. Его структура может быть описана через систему бинарных оппозиций. **Пространственное изменение** строится на жестком противопоставлении внутреннего пространства, которое концептуализируется как «свое», упорядоченное, защищенное, сакральное, и внешнего, осмысляемого как враждебное, хаотичное, агрессивное. Граница между ними приобретает сакральное значение как линия обороны и деления миров.

Временное измерение характеризуется особым типом темпоральности: *настоящее* переживается как «кризисное», «мобилизационное» время, требующее постоянной го-

товности к отражению атак; *прошлое* актуализируется через обращение к историческим прецедентам — великим осадам и войнам, победам предков; *будущее* предстает в двух альтернативных сценариях: либо снятие осады и итоговая победа, либо падение крепости и катастрофа.

Современный политический дискурс демонстрирует **актуализацию и трансформацию** хронотопа «осажденной крепости» в новых геополитических условиях. Как отмечает В. И. Спиридонова, в рамках мобилизационной стратегии в российской научной литературе происходит **переосмысление идеи «осажденной крепости»**. Это переосмысление не является изолированным процессом, но разворачивается в контексте глобального цивилизационного противостояния [Спиридонова 2024: 7].

Исследователь указывает на важную особенность современной дискурсивной ситуации: концепция «осажденной крепости» **перестает быть исключительно российской и приобретает зеркальный характер**. В Европе формулируется симметричная концепция осажденного Запада, которая развивает представления об агрессивном восточном варварстве и стимулирует политику сдерживания России. Таким образом, хронотоп крепости становится **полидискурсивным образованием**, функционирующим одновременно в разных политических культурах и обслуживающим противоположные идеологические задачи.

Для исследования хронотопа «осажденной крепости» был выбран корпус текстов, опубликованных авторами телеграм-каналов Д. А. Медведевым и М. В. Захаровой. Политические комментарии на данных каналах связи были отобраны методом сплошной выборки за период 2022–2025 гг.

В дискурсе Дмитрия Медведева прямое обозначение России как крепости встречается в инвертированной форме — он проецирует образ крепости на Западный мир, который «постепенно превращает себя в осажденную крепость, входы в которую он наглухо закрывает стенами...», «сам себя заключает в клетку, пока прочий мир спокойно живет на воле».

Описывая чужое пространство (Запад/Украина), Д. А. Медведев разворачивает богатую систему пространственной дискредитации:

– зооморфизация пространства: чужое пространство населено не людьми, а животными — «стая лающих собак из западной псарни», «свора хрюкающих подсвинков и недалеких обывателей из распавшейся западной империи со стекающей по подбород-

ку от вырождения слюной» (04.11.2022). Это лишает чужое пространство человеческого измерения, или вовсе лишает права на существование: *страна 404*;

– пространство преступности и вырождения: чужое пространство маркируется через физиологическую деградацию — «стекающая по подбородку от вырождения слюна». Пространство Запада мыслится через нацистский режим Украины (*Бандерокраина; во-яки из Бандеростана*), Западный мир — как пространство преступное и аморальное (***отвратительной, преступной и аморальной является линия поведения стран Западного мира***), а также как место распада, болезни, связанной с наркоманией лидера Украины (*наркоман в Киеве, наркопрезидент и под.*), слабоумием западных политиков (***сообщество политических имбецилов, страдающих деменцией заокеанских элит; старый человек с прогрессирующей деменцией; дедушка с деменцией***);

– демонизация пространства: чужое пространство населено Сатаной, Люцифером и Иблисом (*Цель остановить верховного властелина ада, какое бы имя он не использовал — Сатана, Люцифер или иблис*). Здесь уже представлен не географический, а мифологический топос — ад, преисподняя;

– пространство как угроза: чужое пространство активно — оттуда исходит экзистенциальная угроза существованию «своего» пространства, что связано с ненавистью к России. Это пространство русофобии, желающее смерти России (*«Они хотят смерти нам, России» — 07.06.2022*).

Свое пространство Дмитрий Анатольевич репрезентирует:

– через абстрактные сакральные сущности: Россия не просто территория, а «священная цель», объект служения. Д. А. Медведев наделяет пространство России сакральными характеристиками: «Россия не нуждается в новых территориях, но она не отдаст свои священные земли». Он наделяет пространство неприкосновенностью (*посягательство на святыню есть кощунство, а не политический спор*), абсолютной ценностью (*священное нельзя обменивать, торговать, уступать*), метафизической защитой (*священные земли охраняются не только армией, но и высшими силами*);

– онтологическую укорененность: Россия мыслится как данность, имеющая право на существование (*Мир без России нам не нужен*), которое оспаривается врагом (*Они хотят смерти нам, России*). Право на существование России обосновывается через историческую неизбежность — гибель Рос-

сии повлечет гибель половины мира, и это утверждение репрезентирует не угрозу, а утверждение онтологической связанности (*Любая рухнувшая империя хоронит под своими обломками полмира, а то и больше*). Свое пространство — это бытие, которому угрожает небытие: автор неоднократно называет Украину «страна 404», «т.н. государство», отказывая таким образом в существовании этого пространства.

Д. А. Медведев почти не использует конкретные географические названия или бытовые метафоры дома. Его «свое» — это абстрактная цивилизационная сущность, что делает образ крепости не бытовым, а метафизическим.

Граница между своим и чужим пространством в текстах Д. А. Медведева маркируется через военно-стратегические объекты: «военные базы НАТО», которые могут стать «целями». Граница — это линия потенциального удара. Через отсутствие нейтральной зоны: пространство жестко поляризовано — нет «третьего места», есть только «мы» и «они».

Течение времени в своем и чужом пространстве тоже противопоставлено в дискурсе Д. Медведева. Время своего пространства презентуется:

– как эсхатологическое. Время внутри крепости — это время последней битвы со злом. Маркеры: «Сатана», «ад», «священная цель». Это время не линейное, а циклически-мифологическое, отсылающее к архетипическому противостоянию Добра и Зла, в котором Россия выступает как страна-победитель. Автор отсылает к историческому прошлому, в котором Россия свела счеты с мировым злом — нацизмом и сегодня ставит такие же цели — денацификация и демобилизация Украины;

– героическое прошлое. Отсылки к прошлому в публикациях Д. Медведева — это всегда напоминание о том, что Россия — это страна-победитель в борьбе с нацизмом во время Великой Отечественной войне, с агрессивным Западом (например, с поляками);

– мобилизационное настоящее. Настоящее время — время испытания, требующее концентрации всех сил. Характеризуется через реакцию на угрозы (*никакие ограничения не способны сломить Россию*);

– будущее как неизбежность. Будущее своего пространства маркируется через модальность долженствования и неизбежности — победа, выживание (*Мы победим. Должны победить. Цели СВО будут достигнуты*).

Время чужого пространства — это оставленное время/архаика: Запад живет прошлым, цепляясь за устаревшие модели.

Время деградации: Запад мыслится как «некрасиво стареющий». Это время упадка, дряхления, потери жизненной силы. Автором отмечается, что именно закрытость Запада от большого мира способствует старению и деградации Запада.

В дискурсе М. В. Захаровой пространство репрезентируется иначе, чем у Д. Медведева. Свое пространство представлено Марией Владимировной:

– как пространство «нормальности»: Россия не маркируется прямо как крепость, но имплицитно предстает как пространство здравого смысла, в отличие от агрессивного абсурдного внешнего мира;

– пространство русского языка. Через кейс с конфликтом в поезде (публикация от 20.09.2025) русский язык маркируется как то, что требует защиты. Сама ситуация описана так, что агрессор — украинская пассажирка, вторгающаяся в личное пространство говорящих по-русски. Здесь работает оппозиция: «мы» (те, кто хочет просто спокойно говорить на родном языке) / «они» (те, кто агрессивно навязывает языковой патруль).

Чужое пространство в дискурсе Марии Захаровой представлено:

– как пространство абсурда и безнаказанности. Чужое пространство маркируется через алогизм, нарушение нормы и двойные стандарты («либеральная демократия» на деле оказывается «либеральным тоталитаризмом»; здесь можно открыто призывать к убийству главы иностранного государства, и это не будет считаться преступлением);

– пространство тотального контроля. Пространственными характеристиками чужого мира является правовой вакуум (*Формально существующие законы не работают, когда речь идет о России*).

Граница между своим и чужим пространством у М. Захаровой репрезентируется через порог социального и политического пространства, в котором противопоставляется нормальность и ненормальность, желание сохранить свою идентичность (сохранение русского языка) и желание тотального контроля, ради которого Запад готов на двойные стандарты, абсурд и безнаказанность.

Течение времени в своем и чужом пространстве тоже противопоставлено в дискурсе М. Захаровой. Свое время не маркируется эксплицитно, но через контраст с деградирующим Западом Россия имплицитно помещается в нормальное, современное время.

Время чужого пространства представлено:

– как деградация и утрата связи с реальностью. Маркером движения назад является технологическая деградация (*технологическая деградация в Великобритании, вызванная упадком либерализма*), либеральная декадентность: время Запада — это время загнивания, упадка сил. В посте от 17.03.2026 года М. Захарова вводит ключевой темпоральный маркер: «**синдром хронического двуличия**». Важно, что это не просто характеристика, а **диагноз**, помещенный во временную перспективу: «хронический» — указывает на длительность, застарелость болезни; «в такой запущенной стадии неизлечим» — подчеркивает необратимость деградации (**Синдром хронического двуличия в такой запущенной стадии неизлечим**);

– циклическое возвращение к нацизму, замаскированное под демократию (*Евросоюз превращается в настоящее фашиствующее чудовище; Нацизм, который по западным меркам был вполне демократичным, сначала сжигал книги на площадях, запрещал инакомыслие, а затем начал убивать людей в газовых камерах*). Глагол «превращается» фиксирует процесс, который происходит прямо сейчас и демонстрирует **динамику падения**, ухудшения, трансформации в нечто чудовищное;

– прошлое как цепь преступлений и лицемерия. М. Захарова систематически обращается к прошлому Запада, чтобы дискредитировать его настоящие требования: в комментарии к заявлению Урсулы фон дер Ляйен по достижению мира на Украине — «границы не могут быть изменены силой» — М. Захарова отвечает: «Именно Запад провозгласил и насильственно осуществил одностороннюю перекройку границ Сербии». Прошедшее время (*осуществил*) актуализирует прецедент, который Запад игнорирует. Создается темпоральная оппозиция: чужое прошлое (преступление) / чужое настоящее (лицемерные требования).

Далее М. Захарова напоминает о договоре «2+4» 1990 года, ограничившем вооруженные силы Германии, и иронизирует: как гражданка ФРГ, немка, она должна знать историю хотя бы своей страны. Прошрое, которое «чужой» игнорирует, становится инструментом обличения. Чужое время маркируется как утрата исторической памяти;

– будущее чужого пространства — это, во-первых, перспектива уничтожения, тотальная гибель населения Украины. Здесь М. Захарова смыкается с риторикой Д. Медведева об экзистенциальной угрозе, но процедирует ее не на Россию, а на Украину — пространство, ставшее «чужим» из-за пре-

ступной власти (*К чему все это приведет? Зеленский окончательно истребит украинцев*). Во-вторых, абсурд и самоизоляция Запада: *Вот выход ЕС из ООН, пока там есть Россия, стал бы зрелым решением. Ну и 20-й пакет русофобских санкций не может обойтись без заявления о том, что Еврокомиссия улетает с планеты, покуда на ней остались русские. С нас ракета*. Будущее чужого пространства маркируется как абсурдное, невозможное, самоубийственное. Запад сам себя исключает из нормального мира: «улетает с планеты» — гипербола будущего, доводящее логику самоизоляции до абсурда, «с нас ракета» — игровая отсылка, снижающая пафос угрозы.

В дискурсе М. Захаровой важное место занимает тема искажения времени — подмены хронологии, вырезания слов, монтажа («Фразу не просто вырвали из контекста, но и намеренно вырезали из нее слова Захаровой»; «Авторы вброса пытаются „уличить“ МИД в дезинформации о Европе — „цветущем саде“, из зарослей которого вещают эти самые иноагентские сетки»). Прошлое подвергается насильственной реконструкции (вырезали слова Захаровой), противопоставление образа цветущего сада, который создает Запад против реальности — оппозиция фальшивого расцвета и подлинной деградации. Таким образом, время «чужого» дискурса — это время фейка, искусственной реальности, созданной монтажом. «Чужой» живет в симуляции, выдавая ее за действительность.

Принципиальное различие хронотопов в анализируемых дискурсах заключается в том, что у Д. Медведева хронотоп «осажденной крепости» реализуется в метафизическом измерении — это крепость-святыня, осаждаемая силами ада. У М. Захаровой — в антропологическом измерении: это частное социальное пространство, которое абсурдный тотально контролирующий внешний мир пытается захватить. Д. Медведев создает врага через абсолютизацию зла (демонизация, зооморфизация), М. Захарова — через осмеяние и снижение (ирония, карикатура).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном российском политическом дискурсе хронотоп «осажденной крепости» функционирует не как монолитная конструкция, а как поле смысловых вариаций, актуализируемых в зависимости от коммуникативной стратегии и образа автора. Сопоставление дискурсов Д. А. Медведева и М. В. Захаровой выявляет два принципиально различных модуса репрезентации данного хронотопа, которые условно можно обозначить как метафизический

и антропологический.

Несмотря на кардинальные различия в языке и образности, оба дискурса сходятся в главном: закрытость (даже если это закрытость врага от внешнего мира) конструируется как безусловное благо и единственное условие выживания. У Д. Медведева эта закрытость — сакральная оборона святыни от сил ада. У М. Захаровой — защита частной жизни, языка и социальной нормы от абсурдного, тотально контролирующего внешнего мира. Таким образом, метафизический и антропологический модусы хронотопа «осажденной крепости» не противоречат, а дополняют друг друга, образуя многослойную семиотическую систему, способную воздействовать на разные сегменты аудитории: одних мобилизует образ священной войны, других — образ защиты повседневности от внешнего абсурда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амиров, В. М. «Малой кровью, могучим ударом...»: особенности конструирования образа Красной армии в советском предвоенном газетном дискурсе / В. М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 21, № 3(190). — С. 245–254. — DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.059. — EDN YSWDFC.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234–407.
3. Гальперин, И. П. Текст как объект лингвистического исследования / И. П. Гальперин. — Изд. 5-е. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с. — ISBN 5-484-00854-9, 978-5-484-00854-4.
4. Кокошин, А. А. Современные геополитические трансформации: интересы России и российское общество / А. А. Кокошин, З. А. Кокошина // Общественные науки и современность. — 2024. — № 2. — С. 7–25. — DOI 10.31857/S0869049924020019. — EDN ZNGIOS.
5. Корниенко, А. В. Речевая агрессия в высказываниях власти (на материалах конкурсов «Слово года») / А. В. Корниенко // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2022. — Т. 4, № 4. — С. 143–159. — DOI 10.46539/gmd.v4i4.270. — EDN IRETOQ.
6. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. В 2 ч. / Н. Д. Марова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2006. — Ч. 2. — 503 с. — ISBN 5-7186-0259-X.
7. Пластилина, Н. А. Феномен хронотопа как метод филологического анализа текста / Н. А. Пластилина // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 42–46. — EDN QCEMZZ.
8. Романов, Р. Н. Политика и хронотоп. Фактор времени и пространства в политических процессах / Р. Н. Романов. — Москва : Книжный мир, 2024. — 252 с. — ISBN 978-5-6050696-0-7.
9. Русакова, О. Ф. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях / О. Ф. Русакова, С. П. Фатихов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2011. — № 30 (247). — С. 122–127. — EDN ONEOOL.
10. Свойкин, К. Б. Дискретные характеристики речевого смысла / К. Б. Свойкин // Вестник Мордовского университета. — 2008. — Т. 18, № 3. — С. 159–162. — EDN SZBXON.
11. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. — Москва : Просвещение, 1986. — 127 с.
12. Фадеева, Л. А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс / Л. А. Фадеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Полито-

логия. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 150–162. — DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162. — EDN FRYLMA.

13. Церковнов, С. А. Географический компонент хронотопа англоязычного научного дискурса и формы его репрезентации / С. А. Церковнов, К. Б. Свойкин // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2024. — Т. 30, № 1. — С. 139–148. — DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-1-139-148. — EDN BHTJMA.

14. Elyamany, N. Constrained chronotopic agency and embodied scaling in Zelensky's wartime speeches / N. Elyamany // Language and Semiotic Studies. — 2025. — DOI 10.1515/lass-2025-0037. — EDN ZTODNI.

15. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980. — 256 p. — ISBN 9780226468006.

REFERENCES

1. Amirov, V. M. (2019). «Maloy krov'yu, moguchim udarom...»: osobennosti konstruirovaniya obraza Krasnoy armii v sovetskom predvoennom gazetnom diskurse = “With Little Blood, a Mighty Blow...”: Features of the Construction of the Image of the Red Army in Soviet Pre-War Newspaper Discourse. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 21(3[190]), 245–254. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.059. EDN YSWDFC.

2. Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poehtike* = Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics. *Questions of Literature and Esthetics*, 234–407. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

3. Gal'perin, I. R. (2007). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* = Text as an Object of Linguistic Research. Ed. 5th. Moscow: KomKniga, 144 p. ISBN 5-484-00854-9, 978-5-484-00854-4.

4. Kokoshin, A. A., Kokoshina, Z. A. (2024). *Sovremennyye geopoliticheskie transformatsii: interesy Rossii i rossiyskoe obshchestvo* = Modern Geopolitical Transformations: Russia's Interests and Russian Society. *Social Sciences and Modernity*, 2, 7–25. DOI 10.31857/S0869049924020019. EDN ZNGIOS.

5. Kornienko, A. V. (2022). *Rechevaya agressiya v vyskazyvaniyakh vlasti (na materialakh konkursov «Slovo goda») = Speech Aggression in Statements by Authorities (Based on the “Word of the Year” Competitions)*. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 4(4), 143–159. DOI 10.46539/gmd.v4i4.270. EDN

IRETOQ.

6. Marova, N. D. (2006). *Paradigmy interpretatsii teksta = Paradigms of Text Interpretation. Part 2*. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 503 p. ISBN 5-7186-0259-X.

7. Plastinina, N. A. (2013). *Fenomen khronotopa kak metod filologicheskogo analiza teksta = The Phenomenon of Chronotope as a Method of Philological Text Analysis*. *Bulletin of Nizhnevar-tovsk State University*, 2, 42–46. EDN QCEMZZ.

8. Romanov, R. N. (2024). *Politika i khronotop. Faktor vremeni i prostranstva v politicheskikh protsessakh = Politics and Chronotope. The Factor of Time and Space in Political Processes*. Moscow: Knizhnyy mir, 252 p. ISBN 978-5-6050696-0-7.

9. Rusakova, O. F., Fatikhov, S. P. (2011). *Kontseptual'nye modeli khronotopa v gumanitarnykh i politicheskikh issledovaniyakh = Conceptual Models of Chronotope in Humanitarian and Political Studies*. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 30(247), 122–127. EDN OHEOOL.

10. Svoikin, K. B. (2008). *Diskretnyye kharakteristiki rechevogo smysla = Discrete Characteristics of Speech Meaning*. *Bulletin of the Mordovian University*, 18(3), 159–162. EDN SZBXON.

11. Turaeva, Z. Ya. (1986). *Lingvistika teksta = Text Linguistics*. Moscow: Prosveshchenie, 127 p.

12. Fadeeva, L. A. (2023). *Ot sotsial'nogo khronotopa k politicheskomu mifu: ukrainskiy keys = From Social Chronotope to Political Myth: The Ukrainian Case*. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 25(1), 150–162. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162. EDN FRYLMA.

13. Tserkovnov, S. A., Svoikin, K. B. (2024). *Geograficheskiy komponent khronotopa angloyazychnogo nauchnogo diskursa i formy ego reprezentatsii = Geographical Component of the Chronotope of English-Language Scientific Discourse and Forms of Its Representation*. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 30(1), 139–148. DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-1-139-148. EDN BHTJMA.

14. Elyamany, N. (2025). *Constrained chronotopic agency and embodied scaling in Zelensky's wartime speeches*. *Language and Semiotic Studies*. DOI 10.1515/lass-2025-0037. EDN ZTODNI.

15. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Pr., 256 p. ISBN 9780226468006.